

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА ДУХОВНОГО СОДЕРЖАНИЯ В ГОВОРЕ СЕЛА РУДКИНО ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Игорь Константинович Матей¹

*Воронежское художественное училище (техникум)¹
Россия, Воронеж*

¹Кандидат филологических наук,
преподаватель русского языка и литературы, e-mail: mateiik@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению диалектного лексического и культурно-обрядового наследия села Рудкино Воронежской области. Впервые представлено смысловое соотношение специфической диалектной лексики и сохранившегося до настоящего момента обрядового духовного опыта местных жителей. Особое внимание уделяется анализу семантической структуры слов, отражающих специфические черты диалектного духовного дискурса и языкового сознания хранителей религиозных традиций. В работе представлены выводы на основе междисциплинарного подхода к изучению языковых и культурных феноменов.

Ключевые слова: диалект, лексика, религиозная лексика, семантика, семантическая структура, религиозный дискурс, духовный дискурс, погребальный обряд, поминки, традиция, обряд, духовный стих, село Рудкино.

Для цитирования: Матей И. К. Диалектная лексика духовного содержания в говоре села Рудкино Воронежской области // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2021. № 3. С. 175–179. DOI 10.47438/2309-7078_2021_3_175

Введение

Изучение диалектного словаря в современной науке связано как с собственно лингвистическими проблемами, так и с достаточно объемными междисциплинарными проблемами этнологии (этнографии), истории, антропологии и др. наук. Например, уже в работе Н.П. Гринковой «Воронежские диалекты» ставятся вопросы «о генезисе воронежских диалектов как части южнорусского наречия», что позволяет подойти к вопросу о происхождении «всего южнорусского наречия», сопоставление которого с севернорусской группой приближает исследователей к проблемам «весьма древних» языковых различий двух названных диалектных групп русского языка [1, с. 8].

Очевидно, что подобные объемные вопросы требуют междисциплинарного подхода, который в настоящий момент свойственен большому количеству работ различных областей науки: лингвистики, этнографии, истории, географии и др. [2; 3]. Например, в работе Н.А. Метальниковой «Этнолингвистическая география: новые теоретико-методологические подходы» исследуются вопросы истории, географии и экономики индоевропейского цивилизационного ареала с помощью лингвистических сведений. В подобных работах представляется справедливым применение широкого подхода к пониманию языковых знаковых систем. В представленной работе находим терминологическое сочетание «этнический язык» с расширенным значением, отличающимся от близкого понятия «националь-

ный язык» и применимым «к любому периоду в жизни социума – национальному, донациональному, постнациональному...» [3, с. 13].

Обращение к диалектной лексике наряду с обращением к древнерусским памятникам письменности стало традиционным в лингвистике с самых ранних этапов ее развития до настоящего периода. Диалектные материалы «достраивают» базу для подтверждения теоретических положений в компаративистике. Ср., например, с работами академика В.А. Дыбо: «... слав. *rǫl̥ma > *rǫl̥ma [русск. диал. пльма f. и пальмб f. Волог. 1852, 'большая зажженная лучина', пльма f. Забайкал., 1980; пальму 'пламя; зажженная лучина, пучок зажженных лучин; костер'» [4, с. 51].

Результаты

В настоящей работе предлагается анализ одного из аспектов традиционной обрядовой и духовной культуры в диалектной среде – аспекта хранения духовных традиций и особого «духовного словаря» теми сельскими жителями, которых принято считать знающими порядок богослужений и чтения молитв. Не вызывает сомнения факт особого отношения сельских жителей к некоторым традициям, менее забытым по сравнению с многими другими славянскими обычаями. К числу подобных, безусловно, важнейших традиций относят, например, чтение Псалтыри по усопшим и многие бытующие в современной деревне обряды, связанные с похоронами и поминовением [5]. Рассмотрим, как отражены духовные реалии названного обрядового пласта в диалектной лексике.

Говор села Рудкино Хохольского района Воронежской области в настоящее время бытует среди немногочисленного старшего поколения жителей и до сегодняшнего момента способен отражать специфические понятия, связанные с исчезающими духовными традициями. Запись материалов произведена нами в с. Рудкино в течение осени 2019 года.

Информант Казакова Мария Васильевна 1939 г. р., бухгалтер на пенсии, занимается чтением Псалтыри по усопшим. Она воспитана в деревенской семье, в которой мать являлась носителем изучаемой традиции: [я_уш трицать лет читаю / у_мине ма́ма чита́ла, бабушка и́йе чита́ла, и бабушкина мать чита́ла//] (Здесь и далее речь записана в упрощенной транскрипции – И. М.)

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что именно приглашаемые *читать* во многом являются носителями важнейшей духовной информации, которая передается, подобно ремеслу, наследованием особой социальной роли или духовно-культурной функции в обществе [5].

Отметим, что передача традиции в семье диалектоносителя осуществлялась по женской линии от прабабушки, а коллектив верующих создавал условия воспитания с помощью пеших паломничеств и участия в богослужениях в тех местах, где оставались действующими православные храмы: [ну я с_малых лет/ вот в_двявицу хади́ли иш малинькийи/ пяшкoм хади́ли// у_нас бабушки были/ уйдуть пирят_паскай, ни́делю и́ли две живуть /атам бабушка была/ у_ней всягда на_палу спали// <...> при́дим/ а та́м ве́черам атста́йм/ причашшаца хади́ли туды/ малинькийи были/ ну/ ня_знаю в_како́м я кла́си была/ че́й_уш в_читве́ртым//].

Изучение диалектного материала показывает, что представители исследуемой традиции признают определенные самоназвания: [манашки// да/ называют/ чита́лки//]. При этом важно отметить, что словесный знак *манашка* в диалектном дискурсе функционирует в разных значениях. В одном случае он выступает членом синонимической пары *манашки* – *чита́лки*, в другом входит в синонимический ряд *манашка* – *манахина* – *инакина*. Ср.: [бабушка мархуна была ана хорошая/ ана вам радня/ была кашкинова/ ды тётка ана/ мать матирям вашим/ ана была девушка/ пацла́ прям сразу в_манашки/ канешна были пастрижены/ инакина ана и ба́пка ната́лья//]. Отмеченное обстоятельство позволяет говорить о полисемии слова *манашка* в говоре села Рудкино и о наличии у названного словесного знака двух значений: 1) ведущая монашеский образ жизни после принятия пострига и читающая Псалтырь по усопшим; 2) читающая Псалтырь по благословию, поддерживая поминальные молитвенные традиции.

Проведенные исследования свидетельствуют о том, что к ключевым словам анализируемой традиции в системе говора относятся прежде всего следующие: *манашка*, *манах*, *манахина*, *инакина*, *чита́лка*, *ба́тюшка*, *атпява́ть*, *чита́ть*, *благаслави́ть*, *йаванги́лий*, *псалты́рь* (*пасалты́рь*), *кни́шка*, *ку́тья*, *це́рква*, *причашшаца*, *прашше́нья*, *кладби́ща*, *грех*, *крича́ть*, *поминки*, *паминать*, *памяну́ть*, *Бог*, *ве́чный*.

В настоящий момент не вызывает сомнений наличие особых диалектных значений у некоторых близких литературным словесным знакам лексем. На наш взгляд, подобные или схожие явления наблюдаются не только в ситуации «диалектное употребление – литературное употребление», но и в ситуациях «общенародное – терминологическое» или «общенародное – религиозное». См., напр., приведенные в монографиях проф. О.В. Загорской аргументы в виде диалектного языкового материала и теоретические положения: «... содержание ядерных и периферийных сем денотативного компонента значения диалектных словесных знаков в большинстве случаев обладает национально-культурной спецификой и требует специального анализа» [6, с. 124]. Автор справедливо отмечает, что невнимание к обозначенным особенностям может привести «к приписыванию диалекту чуждых ему понятий» [6, с. 124].

Отметим также, что не следует отрицать возможность семантического тождества (абсолютного семантического тождества) некоторых общенародных слов в литературном языке и говорах, однако при включении в план содержания слова всей совокупности различных сведений, связываемых в сознании человека с данным словесным знаком, «положение о возможности совпадения значений слов в народных говорах и литературном языке потребует существенных уточнений» [7, с. 219].

Особое внимание следует уделять еще одному важному аспекту лексико-семантической структуры некоторых словесных единиц по линии «тождество-различие» – специфике плана содержания словесных знаков, обозначающих духовные реалии. В работах воронежских ученых рассматриваются особенности семантики культурно значимых для носителя русского языка групп слов: морально-нравственной и религиозной православной лексики [8; 9]. Исследователи утверждают, что некоторые словесные знаки духовного содержания имеют особую лексико-семантическую структуру, которая соответствует двуплановости («светское значение» – «религиозное значение») или многоплановости значений [10; 11; 12].

Анализ лексического материала убедительно свидетельствует, что сказанное вполне соответствует языковой реальности диалектного духовного дискурса. Обратим внимание на яркие примеры наличия специфической структуры значения у некоторой части лексики.

Слово *читать* в русском диалектном языке в целом нередко употребляется в специфическом значении, производные от которого отражены в кратком объяснении словаря В.И. Даля: «*Чита́льщикъ*, читающий по заказу, чтець, начетчикъ, читающий псалтырь у покойника; *чита́льщица*, чтица, начетчица у раскольников [13, с. 626]. Ср.: «*Читатъ мо́литу* (*мо́литвы*) – произносить вслух или мысленно молитву, молитвы [14, с.1396].

Однако следует подчеркнуть, что в исследуемом дискурсе названный словесный знак приобретает особое значение: *читать* – совершать молитвы по усопшим вслух по Псалтыри в течение поминальной ночи (перед погребением и после на 9 и 40 день), в сопровождении традиционных духовных стихов, плача по усопшим и других похоронных и поминальных традиций, которые передаются с по-

мощью устного и частично письменного наследия. Иными словами, приведенный словесный знак *читать* соответствует в определенных контекстах обозначению всего традиционного комплекса (официальный церковный и народно-православный) проводов усопших и передаче этой традиции потомкам. Очевидно, что описанное значение соответствует особому лексико-семантическому варианту, который возникает у данного словесного знака именно в духовном диалектном дискурсе.

Обратим также внимание на сочетания: [книшку чита́ть/ псалты́рь], [стал кни́шки чита́ть]. В представленном материале слова *читать* и *книшки* (книжки, книги) употребляются в особых значениях. *Книшка* может соответствовать следующим значениям: 1) Священное Писание, Библия; 2) Псалтырь; 3) Церковные, богослужебные книги (См. ниже более подробный рассказ информанта с использованием анализируемых слов).

Семантическая специфика названных диалектизмов (термин «диалектизм» в данном случае мы используем для номинации любого словесного знака в системе того или иного говора), требует, на наш взгляд, особого внимания исследователей.

Еще одним важным аспектом передачи изучаемых традиций является духовная жизнь самих носителей веры и обычая. Не вызывает сомнений, что жители сел оценивают духовное состояние, поступки и характер тех, кого приглашают читать по усопшим родным: [у нас были чаты́ри тут ма́нашки/ хоро́ший та́кийи уже/ а́дна была де́вушка// а́на э́та ма́я бабу́шка/ та́к па́шла/ гы́ть/ пря́м зде́тства па́шла/ а е́ти дьве́ бы́ли заму́жем/ де́ти/ а па́том пи́рашлї фсе́ хара́шо/ бабу́шка са́шка хвилїмо́нова/ а́на ви́ть ва́м ра́дня/ а́на ма́тирина те́тка/ а́на те́тки ню́ркина те́тка бы́ла/ ба́пка са́шка хара́шїа а́на да́стойны́а чте́нием//]. Заметим неоднократное употребление слова *девушка*, которое, видимо, подчеркивает близость к монастырскому укладу жизнь жителей села, не бывших замужем, принявших постриг и ставших духовным ориентиром и образцом для сельчан.

В рассказах Марии Васильевны нередко встречаются упоминания о традиционном понимании того, как должны запрещать/благословлять на *чтение*: [табе́ нїльзя́ чита́ть// нїпу́тєва́я я бы́ла// я фку́рски бра́ла блага́славление/ я в дья́вице бра́ла блага́славление// я йї́м фсе́ па́расказа́ла/ што́ к ча́му / та́к он ми́не блага́славїл а́ш са́м за́плакал//]. Еще одной важной особенностью традиции являются правила и рекомендации, которые исходили от священнослужителей: [и вы́ чита́йтя/ и ника́гда ни а́тказы́вайтесь// я уба́тющкї у дья́вицка́ва бра́ла блага́сло́вє́ние// хтò бы́ ня па́звал/ ба́га́тый ли/ бе́дный ли/ ника́му ни а́тказы́вай//].

Воспоминания сельчан о тех, кто совершал преступление, приняв решение служить полицаем на оккупированных территориях во время Великой отечественной войны, свидетельствуют, что тяжкие грехи, даже совершенные в далеком прошлом, не соответствуют образу хранителя традиций: [дядя а́лєшка/ он па́том прише́л// ва́йна за́кончы́лася он ста́л ма́нахом чита́ть кни́шки// а йє́тат де́т аста́лсї/ ка́кога он йї́го ве́шал/ и ка́к та́ он сїбе́/ мо́ш хтò и развя́зал/ но нїхтò ня да́казал/ та́м уби́ли б йї́во

то́же/ е́сли он бы́/ хтò развя́зал/ и он аста́лсї жи́ф/ жи́ф аста́лсї/ но он я́му гла́за вы́кала́л/ е́нтот гы́ть изды́вались на́д ним и гла́за йї́му вы́кала́ли/ он аста́лсї жи́ф/ ка́да фсе́ э́т ва́йна/ фсе́ э́т за́кончы́лася/ ста́ла ми́рна// а дядя а́лєшка ста́л кни́шки чита́ть/ а вы́кала́л гла́за та́// а он да́бїва́лсї/ вя́зїтя ми́не к ня́му я/ йї́му вы́калю́ гла́за/ но нїхтò йї́го ня па́вє́з// а вот на́ши ри́бятя тра́ктарїста́ми бы́ли/ а́т ка́лхоза па́хали зе́млю йї́хнюю в йї́маньче́// и вот/ та́м вот он/ при́шли в э́тат до́м// ды а́ткуда́ ш вы́/ ри́бят// ды мы с ру́ткина// ды вы с ру́ткина/ ды чьї́ш вы та́м// ды вот та́кийи та́// ды вы е́нтава́т вон ня по́мнїтя// он у нас/ мїтю́ня гы́ть/ ды ка́к жа/ ня по́мнїм/ ды он/ ды у нас та́м кни́шки щас́ чита́я/ ма́нах та́ э́тат// он сїди́ть и гы́ть/ ри́бятя/ ды па́взя́тїя ми́не я я́му гла́за вы́калю́// а у нас мїтю́ня бы́л тра́ктарїста́м/ он на́зыва́я йї́го/ мо́жа дядя ва́нька́// ды он щас́ у нас кни́шку чита́я/ псалты́рь// ды вы што́// ка́к// ды я я́му гла́за па́йду вы́калю́// ды ка́к ш ты́ буди́шь/ ты́ ж ня ви́диш// я на́шпупка́й я́му/ гы́ть/ вы́калю́//]. Как видно из приведенного фрагмента, общественное неодобрение или табу связаны с представлениями о грехе и степени его тяжести.

Важно отметить и тот факт, что предметы материальной культуры, связанные с традициями *чтения*, представлены нешироко: сохранение книг, икон и иных предметов было достаточно затруднительно, что подчеркивает особое значение дошедших до нас традиций. Жители села вспоминают об оккупации и эвакуации, после которых осталось незначительное количество старинных предметов. Однако Мария Васильевна сохранила некоторые книги и переписанные тексты в тетрадях: [у ми́не е́сть йї́вангелї́й е́сть ста́ринный / уш он пя́тый рас пи́рапи́санны́й / э́т ста́ринный псалты́рь/ э́т у ми́не пра́вїдник ста́ринный/ да/ кїе́ва пї́черско́й ла́вры/ а́ттуда́// ну да́вношнї́й / да́вношнї́й да́вношнї́й / и ма́лїтвы фся́кыйи//].

Особый интерес представляет старейшая из продемонстрированных информантом книг – сборник молитв Типографии Киево-Печерской Успенской лавры, изданный в 1912 году, сохранный ее матерью и переданный от прабабушки.

Отметим также рукописные тексты молитв и духовных стихов, многие из которых представляют собой произведения устного народного творчества, в разное время пополнившие традицию: [па́паем сти́х// ка́гда а́тды́хатъ на́чнуть//

праше́л мо́й ве́к/ ка́к де́нь фча́рашнї́й/
ка́к ды́м пра́мчала́сь жи́знь ма́йа/
и дveré смє́рти а́ткра́вє́ннай
уш ня да́лє́ка а́т ми́не//
о́х/ стра́шная смє́рть/ ума́ляю́ ти́бя́,
хот́ь на ча́сок а́тпу́сти ми́ня // а́на гава́рїть/
сы́мерть//
не́т/ бы́ла та́бе вре́мя/
и бы́л та́бе сы́вет/
ти́перь при́шла вре́мя
и́тїть на а́твє́т// э́т хара́шїй сти́х и́гдє́й та́ йє́сть
у ми́не//].

Духовный стих имеет особое место в поминальных обрядах. Чтение Псалтыри – длительный процесс, который по традиции идет всю ночь с перерывами для еды и отдыха. Именно паузы между

кафизмами – частями Псалтыри – заполняются чтением эмоциональных духовных стихов.

Выводы

Как показало исследование, вся ситуация конкретного поминального события имеет свои правила и атрибуты, выстраивающие обрядовую среду и конструирующие духовный дискурс, который включает в себя обрядово-символические действия, тексты Библии и народно-православные тексты с дохристианскими элементами: реализуется древнейшая из традиций – поминальная трапеза (диал.: поминки); начинается трапеза с кутьи (церк.: кóливо, -а), а постная пища предписывается в соответствующие периоды православного календаря; читается Псалтырь при открытых оконных занавесках и при закрытых тканью зеркалах; в определенные моменты поются духовные стихи и совершается плач по умершему с голошениями и причитаниями при похоронах (диал.: кричать – плакать, голосить) и во время присутствия на кладбище; в конце домашних поминок все кланяются перед иконой со стаканом воды и хлебом; происходит шествие с гробом ко храму для отпевания священником, предадут земле и совершают погребение; повторяют чтение Псалтыри на 9 дней и 40 дней с проводами души (диал.: проводы души) приоткрытых дверях и воротах, для чего выходят на заре с

иконами из избы. Приведенные особенности традиции отражены в исследованиях региональной культуры [5].

Многие из представленных словесных знаков духовного диалектного дискурса имеют сложную лексико-семантическую структуру и отчасти тождественны общенародным словам, однако их специфика требует особого внимания лингвистов, историков, этнологов, антропологов.

Как показывает анализ диалектного материала, погребальные и поминальные обряды занимают одно из центральных мест в сохранившихся религиозных представлениях жителей села Рудкино, а диалектное лексико-семантическое наследие представляет собой хранилище различной религиозно-культурной информации о продолжающейся русской духовной традиции, однако следует также отметить, что в современных условиях существенно усложняется дальнейшая передача описанного социокультурного опыта. Мария Васильевна старается привить интерес к чтению своей дочери, что, по ее словам, пока не имеет успеха: [йá_р / вер // мам/ хвáтит тибé//].

Конфликт интересов

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Гринкова Н. П. Воронежские диалекты : докт. дисс. (Печатается в сокращении). Л., 1947. 300 с.
2. Махрачева Т. В., Буцких С. А., Махрачев Г. С. К вопросу создания сетевого словаря «Лексика традиционного прядения, ткачества и коноплеводства Тамбовской и прилежащих к ней областей» // Нефилология. 2017. № 4 (12). С. 58–66.
3. Метальникова Н. А. Этнолингвистическая география : новые теоретико-методологические подходы // Региональные исследования. 2008. № 6 (21). С. 13–32.
4. Дыбо В. А. Система порождения акцентных типов производных в балто-славянском языке и балто-славянская метатония // Вопросы языкового родства. 2009. № 16. С. 25–64.
5. Мануковская Т. В. Традиционные формулы проведения похоронного обряда в селах Новоусманского, Нижнедевицкого, Верхнехавского и Репьевского районов (1979–2009 гг.) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2010. № 6. С. 49–52.
6. Загоровская О. В. Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии. М. : ИРЯ АН СССР, 1990. 300 с.
7. Загоровская О. В. Проблемы общей и диалектной семасиологии и лексикографии. Воронеж : Научная книга, 2011. 383 с.
8. Загоровская О. В., Матей И. К. О семантических особенностях лексики тематической сферы «Православие» в современном русском языке // Русский язык в диалоге культур: материалы междунар. науч. конф. : в 3 ч. / науч. ред. Л. В. Ковалева. Воронеж, 2010. Ч. 1. С. 220–224.
9. Загоровская О. В., Ипполитова И. С. Школьный словарь русской православной лексики духовно-нравственного содержания : принципы создания и особенности // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. № 2 (275). С. 182–186.
10. Загоровская О. В., Матей И. К. Русская православная лексика как предмет изучения в современной русистике // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. 2012. № 18. С. 3–14.
11. Матей И. К. Православная лексика в современном русском языке и языковом сознании его носителей : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012. 185 с.
12. Загоровская О. В., Шевченко И. С. Семантическая многоплановость слова «совесть» в русском языке и русской духовной культуре (по данным лингвистических и энциклопедических словарей и справочников) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 10-2 (40). С. 54–58.
13. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. М.-СПб., 1882. Т. 4. 704 с.
14. Морковкин В. В., Богачёва Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина ; под ред. В. В. Морковкина. М. : Словари XXI века, 2017. 1456 с.

References

1. Grinkova N.P. *Voronezhskiye dialekty*. Diss. dokt. philol. nauk [Voronezh dialects. Dr. philol. sci. diss.]. Leningrad, 1947. 300 p.
2. Machracheva T.V., Butskih S.A., Machrachev G.S. K voprosu sozdaniya setevogo slovaryá «Lexika traditsyonnogo pryadeniya, tkachestva i konoplevodstva Tambovskoi i priliezhash'ih k ney oblastey» [To the

question of creation web dictionary «Lexisof traditional spinning, weaving and hemp making in Tambov region and surrounding areas»]. *Neophilologiya*, 2017, no. 4 (12), pp. 58–66.

3. Metal'nikova N.A. Etnolingvisticheskaya geografia: novye teoretiko-metodologicheskiye podhody [Ethnolinguistic geography: new theoretical and methodological approaches]. *Regional'nye issledovaniya*, 2008, no. 6 (21), pp. 13–32.

4. Dybo V.A. Sistema porozhdeniya aktsentnykh tipov proizvodnykh v balto-slavyanskom prayazyke i balto-slavyanskaya metatoniya [The system of generation accenttypes derivatives in Balto-Slavic motherlanguage and Balto-Slavic matatonia]. *Voprosy yazykovogo rodstva*, 2009, no. 16, pp. 25–64.

5. Manukovskaya T. V. Traditsionnye formuly provedeniya pokhoronnogo obryada v selakh Novousmanskogo, Nizhnedevitskogo, Verkhnekhavskogo i Rep'evskogo raionov (1979–2009 gg.) [Traditional formulas for carrying out a funeral rite in the villages of Novousmanskii, Nizhnedevitskii, Verkhnekhavskii and Repevskii districts (1979–2009)]. *Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki*, 2010, no. 6, pp. 49–52.

6. Zagorovskaya O. V. *Semantika dialektного слова i problemy dialektnoi leksikografii* [Semantics of the Dialect Word and Problems of Dialectal Lexicography]. Moscow, IRIA AN SSSR Publ., 1990. 300 p.

7. Zagorovskaya O. V. *Problemy obshchei i dialektnoi semasiologii i leksikografii* [Problems of General and Dialectal Semasiology and Lexicography]. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., 2011. 383 p.

8. Zagorovskaya O. V., Matey I. K. [On the semantic features of the vocabulary of the sphere «Orthodoxy» in modern Russian]. *Russkii yazyk v dialoge kul'tur: materialy mezhdunar. nauch. konf. : v 3 ch.* [Russian in the dialogue of cultures]. Voronezh, 2010, vol. 1, pp. 220–224.

9. Zagorovskaya O. V., Ippolitova I. S. Shkol'nyi slovar' russkoi pravoslavnoi leksiki dukhovno-nravstvennogo soderzhaniya : printsipy sozdaniya i osobennosti [School dictionary of Orthodox vocabulary of spiritual and moral content]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2017, no. 2 (275), pp. 182–186.

10. Zagorovskaya O. V., Matey I. K. Russkaya pravoslavnaya leksika kak predmet izucheniya v sovremennoi rusistike [Russian Orthodox vocabulary as a subject of study in modern Russian studies] *Sovremennye problemy lingvistiki i metodiki prepodavaniya russkogo yazyka v vuze i shkole*, 2012, no. 18, pp. 3–14.

11. Matey I. K. *Pravoslavnaya leksika v sovremennom russkom yazyke i yazykovom soznanii ego nositelei*. Diss. kand. filol. nauk [Orthodox vocabulary in the Russian language and the language consciousness of its speakers. Cand. phil. sci. diss.]. Voronezh, 2012. 185 p.

12. Zagorovskaya O. V., Shevchenko I. S. Semanticheskaya mnogoplanovost' slova «sovest'» v russkom yazyke i russkoi dukhovnoi kul'ture (po dannym lingvisticheskikh i entsiklopedicheskikh slovarei i spravochnikov) [Semantic diversity of the word "conscience" in the Russian language and Russian spiritual culture (according to linguistic and encyclopedic dictionaries and reference books)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, no. 10-2 (40), pp. 54–58.

13. Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. T. 4* [Explanatory dictionary of living great Russian language. Vol. 4]. Moscow, St.-Petersburg, 1882. 704 p.

14. Morkovkin V. V., Bogacheva G. F., Lutsкая N. M. *Bol'shoi universal'nyi slovar' russkogo yazyka* [Big universal dictionary of Russian language]. Moscow, 2017. 1456 p.

Поступила в редакцию 30.07.2021

Подписана в печать 25.09.2021

DIALECT LEXICAL HERITAGE OF THE VILLAGE OF RUDKINO IN SPIRITUAL DISCOURSE

Igor K. Matey¹

Voronezh Art College¹
Voronezh, Russia

¹*Cand. Philolog. Sci., Teacher of Russian Language and Literature, e-mail: mateiik@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of the dialectal lexical and cultural-ritual heritage in Rudkino village, Voronezh region. For the first time, the semantic correlation of specific dialectal vocabulary and the ritual spiritual experience of local residents that has survived to this day is presented. Special attention is paid to the analysis of the semantic structure of words, reflecting the specific features of dialectal spiritual discourse and linguistic consciousness of the keepers of religious traditions. The paper presents conclusions based on an interdisciplinary approach to the study of linguistic and cultural phenomena.

Key words: dialect, vocabulary, religious vocabulary, semantics, semantic structure, religious discourse, spiritual discourse, funeral rite, commemoration, tradition, rite, spiritual verse, Rudkino village.

Cite as: Matey I.K. Dialect lexical heritage of the village of rudkino in spiritual discourse. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia Voronezh State Pedagogical University], 2021, no. 3. С. 175–179. (in Russian). DOI 10.47438/2309-7078_2021_3_175

Received 30.07.2021

Accepted 25.09.2021